

Порочной привычкой воевать чужими руками в книге Лапужа наделены многие. В первую очередь она, естественно, подobaет царствующим особам. Например, Луиза Мекленбургская, королева Пруссии, «мечтала о войне так же страстно, как любящая женщина мечтает о теле возлюбленного». Не чураются военных развлечений и лица духовного звания. Аббат Талер, один из знакомых Отто Апфельгрюна, испытывает необыкновенное наслаждение при виде страшных катастроф и, по словам писателя, для удовлетворения своей войнолюбивой ностальгии предал бы пламени и залил бы потоками крови всю Европу. Ядовито высмеивает писатель шизофрению милитаристов в лице отставного генерала Байтзау. Генерал поражен шпиономанией и истерической способностью в любой опасности, даже во время войны Австрии с Наполеоном, видеть «угрозу с Востока».

Заблуждениям войны, заблуждениям неистинной жизни автор противопоставляет реальную жизнь и вечную мудрость природы. Природа у Лапужа очеловечена. Когда она видит, что на земле наступило временное перемирие, то расцветает весна. А это дает читателю возможность ознакомиться с образцами стиля Лапужа-лирика. «Лес украсился созвездиями глянцевого, смолистых почек, сверкающих, как свечки, при появлении малейшего солнечного луча. В один прекрасный день весь склон горы стал зеленым. От ив исходил запах меда. По полям рассеивали свою желтую, как у мимозы, пыльцу одуванчики. Возле бурлящих потоков начали округлять свои купы белые кусты, похожие на пену, так что хотелось на них подуть».

Несчастье Отто заключалось в том, что слишком многим людям хотелось видеть его «солдатиком» и делать войну его руками: и герцогине Гертруде, и аббату Талеру, и князю Саксен-Зальцскому, а поначалу — пока любовь и сострадание в корне ее не изменили — даже Клеменции. Недолго счастье было их уделом. Узнав об измене жены, князь перевел Отто в свой саксонский гусарский полк, а Саксония в 1806 году превратилась в союзницу Наполеона, и поэтому в Ваграмской битве, которая дала название роману и произошла 6 июля 1809 года, полк голубых саксонских гусар, принадлежавший князю Саксен-Зальцскому, сошелся в смертельной схватке с полком белых австрийских кирасир, принадлежавших ему же. Битва происходила около деревни Дейч-Ваграм, всего в тридцати километрах к северу от Вены, и поэтому австрийский высший свет собрался на одной из загородных вилл и наблюдал за ее ходом в бинокли и подзорные трубы. Таковы привилегии сильных мира сего. Но то, что для них было игрой, для Отто стало смертью. На последних страницах романа описываются его гибель и скорбные блуждания Клеменции по полю, где накануне шел бой и где она пытается, сама полумертвая от изнеможения, разыскать среди груды трупов убитого возлюбленного.

В основу романа лег реальный исторический факт, зафиксированный в «Мемуарах» французского генерала Марбо. Лапуж лишь слегка изменил имя князя, владельца полков. Роман Лапужа — откровенно антивоен-

ный, его мораль у всех на виду. Бывает, однако, что морализаторство нейтрализует нравственный урок. В этом отношении «Ваграмская битва» — счастливое исключение. Роман предстает как одно из самых нравственных произведений современной французской литературы. И одно из самых актуальных, несмотря на историческую тему.

В. НИКИТИН

НА ПРЕДЕЛЕ ВЫМЫСЛА

Tom Sharpe. *Wilt on High*. London, Secker and Warburg, 1984.

Том Шарп. Уилт на пределе. 1984.

Том Шарп — один из ярких представителей сегодняшней сатирической прозы Англии, пишущий в традиции буффонады и гротеска, восходящей к Свифту и Смоллету. Изобретательные и остроумные сюжетные ходы, точность детали, живой диалог, мастерство портрета — всегдашние «козыри» английской сатиры — в полной мере присущи его творческой манере. В гротескной форме писатель высмеивает крайности, нелепости поведения и мышления, уродливые нравы, порождаемые косной реакционностью потомственных английских аристократов, цепляющихся за отжившие идеалы, снобизм, корыстолюбие и ханжество среднего класса, тупость судей, коррупцию и бюрократизм чиновников, махинации политиков.

В рекламных аннотациях, выдержки из которых обычно печатаются на обложках английских изданий романов Шарпа, его называют «самым блистательным после Во юмористом». Именно так можно выразить общее мнение рецензентов по поводу последнего романа «Уилт на пределе» (1984), составившего вместе с другими — «Уилт» (1976) и «Выбор Уилта» (1979) — своего рода трилогию. Сравнение с классиком английской литературы лестно и во многом справедливо, но и опасно, если не ограничиваться пышными эпитетами, а, как призывал Козьма Прутков, смотреть в корень.

В советской критике уже справедливо отмечалось, что в произведениях Шарпа «нет положительных героев», но есть персонажи, которым автор симпатизирует¹. Именно так описывает Уилта. Интеллигент, преподающий литературу в колледже, он любит книги и мечтает о затворничестве в сельской глуши, но все получается иначе. Обывательские, преступные и политические срасти, кипящие в провинциальном городке, где живет Уилт, нарушают его покой. В предыдущих романах носителями этих страстей были полицейские, давно считающие Уилта закоренелым и дьявольски хитрым преступником, ускользнувшим от правосудия, и террористы международного масштаба, квартировавшие в его доме, где они устроили склад оружия. На сей раз Уилта подозревают в распространении наркотиков, от злоупотребления которыми в колледже умерла одна из его учениц, дочь местного лорда. Инспектор Ходж организует за Уилтом не-

¹ См.: «Современная художественная литература за рубежом», 1980, № 1.

отступную слежку, в результате чего происходят совершенно невероятные события.

Шарп — мастер занимательного сюжета, под его пером возникает невообразимая, трагикомическая ситуация, раскрывающая, однако, вполне реальные, типичные пороки общества: взаимное недоверие, подозрительность, отчужденность и патологическая шпиономания. Ее жертвой и оказывается Уилт. Желая подработать, он читает лекции по литературе служащим американской военной базы. Полиция, следящая за Уилтом, устанавливает в его машине скрытый передатчик и магнитофон. Американцы обнаруживают их с помощью приборов на контрольно-пропускном пункте базы и полагают, что Уилт — советский шпион. Майор Глосхоф, отвечающий за безопасность на территории базы, начинает операцию по обезвреживанию «вражеского агента». Бредовые идеи майора порождают столь же бредовые поступки как его самого, так и его подчиненных; в результате часть военнослужащих базы, жена одного из генералов и Уилт подвергаются газовой атаке, после которой у них мало шансов выжить. Но Уилт остается жив и тут же попадает на допрос к Глосхофу. Тот прямо грозит пустить ему пулю в лоб, если не узнает, на кого Уилт работает, а затем решает выудить из него информацию с помощью своей помешанной на сексе жены-алкоголички.

Эта часть романа написана явно в духе «армейских» фарсов Ивлины Во (трилогия «Меч почета»), хотя в целом творчество Шарпа дает мало оснований говорить о прямом влиянии классика. У Во «дубиноголовое» британское командование, военная бюрократия не способны вести боевые действия против фашистов: бесцельно перемещающая войска по всей стране для якобы новых секретных операций, они фактически лишают их возможности воевать. Страдают они и шпиономанией — так, агенты британской контрразведки умудряются заподозрить в главном герое, Краучбеке, шпиона, неверно истолковав подслушанный ими телефонный разговор. Американские вояки Шарпа столь же «дубиноголовы», но сегодня иные времена — у подобных людей, ослепленных бредовыми идеями, дает понять автор, в руках смертоносное оружие, которое они готовы пустить в ход по любому поводу.

Сопоставление выявляет и различие в художественном уровне творчества двух писателей. Оно прежде всего в силе и глубине сатирического обличения и обобщения. Во изображает гротескные типы, порожденные британской армией и имперским духом завоевания (таков, например, генерал Ритчи-

Хук); Шарп же, хотя это уже одиннадцатый по счету его роман, не поднялся пока, как представляется нам, выше уровня язвительной карикатуры, рисуя то недалеких полицейских, то озлобленных обывателей или маньяков из американских спецслужб. Надо признать все же, что этим приемом писатель владеет блестяще и добивается вполне убедительного сатирического эффекта.

Однако, беспощадно изобличая всевозможное зло, царящее в современном мире, художник, кажется, не видит силы, способной ему противостоять, и, похоже, сильно сомневается в успехе такого противостояния. Это придает его сатире апокалиптический оттенок, что и подтверждается финалом романа.

Жена Уилта Ева узнает, где находится ее муж, и вместе с Мэвис Моттрам, возглавляющей женский комитет «Матери против бомбы», устраивает у ворот базы демонстрацию протеста в присутствии представителей прессы и телевидения. Американцы отвечают газовой атакой. В дальнейшем, чтобы замять скандал, командование приказывает вывезти Уилта с территории базы на вертолете. Поднимаясь в воздух, он видит картину, символизирующую для Шарпа современный мир: военная база словно концлагерь, где все слепо исполняют любые приказы, а у ворот ее — горстка протестующих, которые ничего не могут изменить.

Уилт лишний раз убеждается, что мир — «сумасшедший дом», где жить нормально уже нельзя. Постоянно сталкиваясь в романах трилогии с этим порочным миром, герой остро чувствует фальшь окружающей жизни. Он в равной степени отвергает и махровый консерватизм реакционеров, и сексуальную распущенность воинствующих леваков, и парламентскую демагогию, создающую лишь видимость демократии, но ничего не может противопоставить многоликому злу. Видимо, такова в сущности и позиция самого Шарпа, что ослабляет порой сатирический эффект его романов, заставляет примиренчески решать конфликт героя с окружающим миром, как подтверждают произведения писателя начала 80-х годов «Грехи предков» (1980) и «Старомодный хлам» (1982), уже рецензировавшиеся в нашей критике.

Однако самое, может быть, главное заключается в том, что романы Шарпа никогда не бывают скучны — писатель разит общественное зло оружием смеха, заставляя читателя взглянуть на жизнь критическим оком. А это уже немало.

А. ШИШКИН